



Джордж Ф. Кеннан и сдерживание: история большого недоразумения

Американский дипломат Джордж Кеннан считается отцом политики сдерживания и сформировал идеологию холодной войны. Но хотя он признавал Советский Союз противником и не питал иллюзий по поводу коммунизма, он считал идею войны с СССР безумной.

Стефано ди Лоренцо

втр 03 мар 2026

В феврале 1946 года американский дипломат, работавший в Москве, отправил в Вашингтон телеграмму, которая будет иметь резонанс на протяжении десятилетий. Она была необычно длинной — около 5000 слов — и оказала необычайно сильное влияние. Ее автор, Джордж Ф. Кеннан, тогдашний временный поверенный в делах посольства США в советской столице, пытался объяснить внутреннюю логику

поведения Советского Союза в момент, когда военный союз между Вашингтоном и Москвой уже начал распадаться. Этот документ, позже известный просто как «Длинная телеграмма», стал одним из основополагающих текстов холодной войны.

Год спустя Кеннан расширил свой анализ в статье, опубликованной анонимно под псевдонимом «Х» в журнале *Foreign Affairs*, издаваемом Советом по международным отношениям. Статья под названием «Источники поведения Советского Союза» ввела в общественный дискурс слово, которое определило целую эпоху: сдерживание. С того момента Кеннан стал широко известен как интеллектуальный отец доктрины, которая определяла политику США в отношении Советского Союза на протяжении более четырех десятилетий.

Однако немногие мыслители в области внешней политики были так же неправильно поняты, как Кеннан. На протяжении своей долгой жизни он настаивал — иногда с разочарованием, иногда с сожалением — на том, что его идея сдерживания была искажена до неузнаваемости и превратилась в нечто, чего он никогда не имел в виду: глобальное, милитаризованное и идеологизированное противостояние. Его взгляды на Советский Союз, вопрос о Германии, структуру европейской безопасности, а позднее и на расширение НАТО были более осторожными, более историческими и менее триумфальными, чем политика, носившая его имя.

Советский Союз глазами Кеннана

«Длинная телеграмма» Кеннана была написана в ответ на речь Иосифа Сталина в феврале 1946 года. В этой речи Сталин утверждал, что Вторая мировая война была не случайностью, а неизбежным результатом противоречий капитализма. Марксисты, по его словам, давно утверждали, что «капиталистическая система мировой экономики содержит в себе элементы общего кризиса и военных конфликтов» и что война возникла в результате неравномерного развития капиталистических государств, борющихся за рынки и ресурсы.

Это был далеко не оригинальный анализ. Ленин, учитель Сталина, уже теоретизировал о тесной связи между капитализмом, империализмом и войной как ее неизбежным следствием. Но для западных слушателей речь Сталина прозвучала как декларация возобновления вражды. Менее чем за год до этого Запад и Советский Союз были союзниками. Кеннану было предложено объяснить мотивы советского лидера, и он изложил их в «Длинной телеграмме».

После нескольких формальностей телеграмма начинается категорично: «СССР по-прежнему живет в условиях антагонистического «капиталистического окружения», — писал Кеннан, — с которым в долгосрочной перспективе невозможно постоянное мирное сосуществование». Эта часто цитируемая фраза отражала основную идею телеграммы: враждебность Советского Союза не была эпизодической или тактической, она была структурной.

Но анализ Кеннана был более тонким, чем это часто вспоминают. Он не изображал советских лидеров как иррациональных фанатиков, стремящихся к немедленному завоеванию. Вместо этого он объяснял их мировоззрение глубокой исторической неуверенностью:

«В основе невротического взгляда Кремля на мировые дела лежит традиционное и инстинктивное чувство неуверенности России».

ДЖОРДЖ Ф. КЕННАН

Первоначально, по его мнению, эта неуверенность была присуща «мирному земледельческому народу, пытавшемуся жить на обширной открытой равнине в соседстве с жестокими кочевыми народами». Позже, когда Россия столкнулась с более развитым Западом, неуверенность стала бременем для правителей, которые боялись сравнения и контактов. Марксизм-ленинизм, по интерпретации Кеннана, предоставил идеологическое обоснование для этих давних опасений.

Кеннан тщательно проводил различие между советским режимом и русским народом. «Партийная линия», писал он, не отражала «естественного мировоззрения русского народа», который «в целом был дружелюбен к внешнему миру». Но партийная линия связывала тех, кто обладал властью, и именно с ними Западу приходилось иметь дело.

Это различие имело большое значение. Оно позволило Кеннану рассматривать советскую политику не как проявление исключительно злобной цивилизации, а как продукт особой политической структуры, основанной на исторических страхах. Советская власть, по его наблюдениям, была «невосприимчива к логике разума», но «очень чувствительна к логике силы». Она отступала, сталкиваясь с решительным сопротивлением. Она была осторожной, терпеливой и оппортунистичной, но не безрассудной.

Самое главное, Кеннан отверг идею о том, что Москва была готова начать новую мировую войну. В более поздних интервью он настаивал, что Сталин был «очень осторожным человеком». Он напоминал критикам, что в 1945 году Россия была

разрушенной страной. Половина ее территории лежала в руинах, погибли десятки миллионов людей. «Они не были в состоянии вести новую войну и не хотели этого».

Таким образом, с самого начала понимание Советского Союза у Джордж Кеннан было двойственным. СССР представлялся ему структурно враждебным, но стратегически осторожным; идеологически жёстким, но не склонным к самоубийственным шагам; экспансионистским там, где открывалась возможность, однако чувствительным к сопротивлению.

Сдерживание: политическая стратегия, а не военный крестовый поход

Из этого диагноза вытекла стратегия, позже получившая название «сдерживание». В статье «X» Кеннан писал:

«Основным элементом любой политики Соединенных Штатов в отношении Советского Союза должно быть долгосрочное, терпеливое, но твердое и бдительное сдерживание экспансионистских тенденций России».

ДЖОРДЖ Ф. КЕННАН

Ключевыми словами были «долгосрочный», «терпеливый» и «бдительный». Сдерживание не было призывом к оружию, а предписанием дисциплины. По его мнению, давлению Советского Союза можно было противостоять «умелым и бдительным применением противодействующей силы в ряде постоянно меняющихся географических и политических точках». Его нельзя было «очаровать или убедить», но и тотальная война не требовалась.

Концепция Кеннана была географически избирательной. Он считал, что промышленные центры мира — Северная Америка, Западная Европа (включая Рейнланд и Рур), Япония и сам Советский Союз — будут определять глобальную мощь. Если первые три региона будут союзниками США, то советское влияние можно будет сдержать. Он не проявлял особого энтузиазма по поводу крестовых походов в «третьем мире» и позже критиковал чрезмерное расширение американского влияния в Азии, в том числе во Вьетнаме.

Позднее Джордж Кеннан отмечал, что его идеи о «сдерживании» были искажены теми, кто понял их и реализовывал исключительно как военную концепцию. Эта жалоба со временем стала для него почти постоянным рефреном. Публикация документа NSC-68 в 1950 году с призывом к масштабному наращиванию военной мощи обозначила решающий поворот. Берлинская блокада, первое испытание советской атомной бомбы, коммунистическая победа в Китайской гражданской войне и начало Корейской войны ужесточили настроения в США. В результате политика сдерживания стала глобальной и милитаризованной. Идеологический конфликт слился со стратегическим соперничеством.

Кеннан наблюдал за этой трансформацией с растущим беспокойством. Он считал, что дипломатия, экономическая мощь и внутренняя сплоченность Запада являются основными инструментами политики. Он утверждал, что внутренние противоречия советской системы в конечном итоге приведут либо к «развалу, либо к постепенному ослаблению советской власти». Решение вопроса будет зависеть от истории, а не от войны.

Оглядываясь назад, Джордж Кеннан считал, что мирное завершение Холодной войны подтвердило правоту многих его оценок — но не оправдало выбранный путь. По его словам, сорокалетнее противостояние оказалось «ненужным, пугающе дорогостоящим и дезориентирующим».

Германия: центральный вопрос

Если Советский Союз был проблемой, то Германия была ее стержнем. Судьба Центральной Европы преследовала послевоенную дипломатию. За тридцать лет Германия дважды ввергала континент в катастрофу. Теперь она была разделена и оккупирована странами-победителями. Взгляды Кеннана на Германию были последовательными и вызвали споры в то время. Он считал, что нейтрализованная, воссоединенная Германия может стать стабильным решением. В 1949 году он предложил так называемую «Программу А»: вывод большей части американских, британских, французских и советских войск из Германии как прелюдию к воссоединению и нейтрализации. Спустя годы Кеннан написал:

«Кто-то, где-то (как мне сказали, со стороны военных), намеренно, накануне встречи министров иностранных дел в Париже, передал Джеймсу Рестону (который незамедлительно опубликовал эту информацию на первой странице *New York Times*) сильно искаженную версию того, что предполагалось в плане. Здесь не было упомянуто ни

о гарантиях, которые мы оговорили, ни о рекомендации о предварительных консультациях с французами и британцами. Таким образом, последние узнали об этом из вводящей в заблуждение статьи в прессе, еще до того, как мы официально сообщили им об этом. Они были возмущены, и наше правительство незамедлительно, публично и с негодованием отвергло все предложение».

ДЖОРДЖ Ф. КЕННАН

Предложение Кеннана противоречило формирующейся логике блоковой политики. Создание Федеративной Республики Германия на западе и Германской Демократической Республики на востоке закрепило разделение. Создание Североатлантического договора в 1949 году еще больше укрепило западный лагерь.

По мнению Кеннана, вхождение Западной Германии в военный альянс грозило упрочить раскол и усилить чувство незащищенности Советского Союза. Он считал, что контроль Советского Союза над Восточной Европой был «шатким» и что твердая, но неконфронтационная политика Запада могла бы способствовать постепенному ослаблению напряженности. Вместо этого консолидация противостоящих блоков углубила конфронтацию.

Его взгляды встретили критику со всех сторон. Дин Ачесон, сменивший Джорджа Маршалла на посту государственного секретаря, рассматривал советскую угрозу как более острую и прежде всего военную. Руководители Западной Германии отвергали идею нейтралитета, считая её замаскированным отказом от поддержки. Вице-президент Ричард Никсон публично оспорил предложения Джорджа Кеннана после того, как тот спустя годы выступил в Великобритании с лекциями Reith Lectures, где вновь выдвинул идеи о нейтральной Германии.

Влияние Кеннана ослабло. В 1949 году он ушел с поста директора по планированию политики и в конечном итоге покинул государственную службу. Его несогласие по поводу Германии предвещало последующие споры о будущем НАТО.

НАТО: от оборонительного альянса к роковой ошибке

При своем создании НАТО представлялась как оборонительный альянс — институциональное воплощение политики сдерживания. Ее цель заключалась в том, чтобы «держать русских подальше, американцев поближе, а немцев под

контролем», как гласила одна шутка. Кеннан поддерживал первоначальную логику укрепления Западной Европы, в частности, с помощью плана Маршалла. Но он не считал военные альянсы самоцелью.

После распада Советского Союза в 1991 году смысл существования НАТО был поставлен под сомнение. Вместо того чтобы распаться или преобразоваться в общеевропейскую структуру безопасности, альянс расширился на восток. Бывшие страны Варшавского договора и даже бывшие советские республики стремились вступить в него.

В феврале 1997 года Кеннан опубликовал в газете «The New York Times» статью под названием «Роковая ошибка». Он предупреждал, что расширение НАТО до границ России станет «самой роковой ошибкой американской политики за весь период после холодной войны».

Его язык был недвусмысленным:

«Можно ожидать, что такое решение разжигает националистические, антизападные и милитаристские настроения в российском обществе, оказывает негативное влияние на развитие российской демократии и восстанавливает атмосферу холодной войны в отношениях между Востоком и Западом».

ДЖОРДЖ Ф. КЕННАН

Почему, спросил Кеннан, после окончания холодной войны и ослабления экономики России, отношения должны вновь строиться на основе военных блоков и неявных врагов? Почему безопасность Европы должна зависеть от того, «кто с кем будет в союзе и, соответственно, против кого в каком-то вымышленном, совершенно непредсказуемом и маловероятном будущем военном конфликте»?

Сдерживание было задумано как ответ на конкретную историческую конфигурацию: мощное, идеологически мотивированное советское государство, правившее половиной Европы и опиравшееся на мобилизованный партийный аппарат. Эта конфигурация больше не существовала. Расширение альянса времен холодной войны на территории, которые Россия исторически считала жизненно важными для своей безопасности, было, по мнению Кеннана, не реализмом, а идеологической слепотой.

Он отвергал западные заверения в том, что расширение НАТО не несёт угрозы. Джордж Кеннан писал, что русские воспримут это как удар по своему «престижу (который, как он отмечал, всегда занимает важное место в российском сознании)» и по своим интересам безопасности. У них не будет средств предотвратить расширение, но они воспримут его как унижение и предательство. В этом смысле расширение НАТО рисковало породить именно ту Россию, которой, по утверждениям Запада, следовало опасаться: обиженную, националистическую, подозрительную и всё более милитаризованную.

Эта критика не была единичным мнением на закате жизни. Она полностью соответствовала многолетнему подходу Джордж Кеннан к геополитике. Он всегда настаивал на том, что великие державы реагируют не только на намерения, но и на возможности, близость и историческую память. Распад советской системы не отменил географии России и не стер столетия травм от вторжений — от монголов до Наполеона и Гитлера. В его понимании действовать иначе было бы глубоко безответственно.

Как неправильно истолковали Кеннана

Трагедия наследия Кеннана заключается не в пренебрежении, а в избирательном присвоении. Его имя постоянно упоминалось, но его аргументы редко принимались во внимание в полном объеме. «Длинная телеграмма» и статья «X» рассматривались как планы конфронтации, а не как диагнозы, призванные служить ориентиром для сдержанности.

Одной из причин недоразумения была политическая культура послевоенной Америки. Как позже заметил Кеннан, во время Второй мировой войны Соединенные Штаты привыкли иметь одного единственного абсолютного врага. Этот моральный абсолютизм не исчез с наступлением мира. Напротив, он переместился с нацистской Германии на Советский Союз. «Нам нравится, когда у нас есть один враг», — заметил Кеннан. Враг должен быть «абсолютно злым», даже если с его точки зрения это не имело смысла.

Такая ментальность способствовала идеологической упрощенности. Тщательное разграничение, проводимое Кеннаном между советской идеологией, российской историей и поведением государства, было сведено к одной плоской версии о глобальной коммунистической агрессии. Неспособность объяснить эти различия американской общественности, как он позже сказал, способствовала «истерическому антисоветизму».

Еще одним источником искажений была бюрократия. Как только стало известно, что статья «Х» принадлежит Кеннану, она обрела ореол официальной доктрины. Политики рассматривали ее как рецепт политики, а не как аналитическую основу. Уолтер Липпманн, один из самых влиятельных американских комментаторов, резко критиковал сдерживание, предупреждая, что оно обязывает Соединенные Штаты сопротивляться советскому влиянию повсюду, независимо от стратегической важности. Липпманн выступал за переговоры и вывод американских войск из Европы в сочетании с воссоединением Германии.

Кеннан признал, что не имел в виду, что сдерживание означает сопротивление везде, где оно возникает, и не подозревал, что Советский Союз планирует прямую военную атаку на Соединенные Штаты. «Я не думал, что мне нужно это объяснять», — сказал он позже. «Но, очевидно, я должен был это сделать».

Со временем логика сдерживания слилась с логикой устрашения, а затем с логикой идеологической борьбы. Результатом стала глобальная позиция военной готовности, расширения альянсов и проху-войн — далекая от первоначального акцента Кеннана на терпении и коммуникации.

Против милитаризации

На протяжении всей своей карьеры Кеннан сопротивлялся милитаризации внешней политики. Он считал современную войну по своей сути катастрофической. «В современной войне все являются побежденными», — говорил он. Это убеждение лежало в основе его оппозиции к политике балансирования на грани ядерной войны, к войне во Вьетнаме и к чрезмерной зависимости от военных альянсов.

В 1960-х годах он выступил перед Комитетом по международным отношениям Сената против участия США во Вьетнаме. Он утверждал, что у Соединенных Штатов нет там жизненно важных интересов и что чрезмерная вовлеченность в периферийные регионы подрывает их глобальное лидерство. Его показания возмутили президента Линдона Джонсона, который попытался их ослабить, организовав громкий саммит.

Кеннан рассматривал Вьетнам как еще один пример неправильного понимания политики сдерживания: локальный конфликт превратился в испытание глобального авторитета. Он опасался, что та же самая ситуация повторится в период после холодной войны, когда символические обязательства заменили стратегические расчеты.

Кеннан считал, что сдерживание достигло своей основной цели: предотвращения войны между великими державами. Советская система рухнула без прямой военной конфронтации между ядерными державами. В этом смысле стратегия доказала, что терпение победило крестовый поход.

Но он отказывался гордиться тем, как осуществлялась политика сдерживания. Холодная война, по мере ее развития, сопровождалась прокси-войнами, переворотами, гонкой вооружений и идеологической негибкостью. По его мнению, большая часть этого была ненужной.

«Мне жаль», — размышлял он, — «что в телеграмме я недостаточно подчеркнул, что это вовсе не означало, что нам придётся вести войну с Россией». Отсутствие четких ограничений привело к десятилетиям страха и затрат.

Актуальность Кеннана сегодня

Кеннан умер в 2005 году, до самого резкого ухудшения отношений между Россией и Западом в XXI веке. Однако его предупреждения находят странное отражение в современных дискуссиях.

В основе его мысли лежало простое, но требовательное утверждение: внешняя политика должна быть основана на историческом понимании, а не на моральной самоуверенности. Она должна проводить различие между противниками и врагами, между намерениями и возможностями, между тем, что желательно, и тем, что устойчиво.

Кеннан никогда не верил, что Советский Союз — или Россия — могут быть преобразованы с помощью одного лишь давления. Он также не верил, что уступки означают умиротворение. Он выступал за твердость без унижения, сопротивление без крестового похода и терпение.

Его критики обвиняли его в пессимизме, а порой и в цинизме. Но Джордж Кеннан не был ни тем, ни другим. Он опасался высокомерия власти. Джордж Кеннан занимает парадоксальное место в современной истории. Он сформировал интеллектуальные основы политики США в Холодной войне больше, чем кто-либо другой, но при этом большую часть жизни критиковал, как эта политика развивалась. Его прославляли как отца политики сдерживания, но одновременно отдаляли из-за милитаризованного продолжения этой доктрины. Он предупреждал об опасности расширения НАТО задолго до того, как последствия этого стали очевидны, но при этом все списали на анахронизм.

Джордж Кеннан понимал, что великие державы так же пленники географии и исторической памяти, как и идеологии. Он также осознавал, что неправильное толкование — особенно умышленное искажение — может превратиться в самоисполняющееся пророчество. В этом смысле его наибольший страх заключался не в силе противников, а в слепоте собственной стороны.

Сдерживание, каким его задумал Джордж Кеннан, никогда не ставило целью победу. Оно было направлено на выживание без катастрофы. То, что эта скромная цель превратилась в глобальную борьбу за доминирование, является не только исторической иронией — это также служит предостережением.

ТЕГИ СТАТЬИ:

Кеннан, Джордж Ф. Сталин, Иосиф Ленин, Владимир Ильич Германия Россия
Советский Союз США Совет по международным отношениям (CFR) НАТО
Федеративная Республика Германия Германская Демократическая Республика
Никсон, Ричард Маршалл, Джордж Вьетнам Джонсон, Линдон Б. Анализ